

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Общий любимец публики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Общий любимец публики / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 242 с.

ISBN 978-5-519-95162-3

ISBN 978-5-519-95162-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Сказано тебѣ: гость.

Гущинъ присѣлъ на стулъ у самой двери, вытеръ лицо бумажнымъ, синимъ платкомъ и опять подмигнулъ, любясь хорошенькой дѣвушкой, которая рѣшительно не знала, что ей съ нимъ дѣлать.

— А вотъ я назвать-то тебя и не умѣю, добродушно проговорилъ онъ.

— Прежде Дуней звали...

— А я думалъ Машей... хе-хе!.. Дуни бываютъ тонкія да высокія, а ты какъ огурчикъ. Эта дверь-то въ столовую?

— И не въ столовую, а къ барынѣ...

— Значить, эта, направо которая, въ столовую?

— Опять не въ столовую, а въ кабинетъ къ барину...

— Такъ, такъ, умница... А ты посмотри на меня, Дунюшка, да хорошенько посмотри, — прямо на лицѣ написано, что добрый я человѣкъ. Я-то добренькій старичокъ, а ты дѣвушка молоденькая, зубки у тебя востренькія... А вотъ тебѣ и на орѣшки.

Горничная, когда онъ досталъ изъ кармана деньги, спрятала руки назадъ и не безъ достоинства проговорила:

— Покорно благодарю, у насъ своихъ достаточно...

Эта сцена была прервана появившимся въ дверяхъ кабинета старикомъ лакеемъ. Онъ посмотрѣлъ своими подслѣповатыми глазами на гостя и прямо подошелъ къ нему.

— Пожалуйте лучше мнѣ, Артемій Асафычъ...

А она совсѣмъ еще глупая и ничего не понимаетъ въ деликатномъ обращеніи.

— А ты что есть за человѣкъ? спрашивалъ гость, пряча деньги въ жилетный карманъ.

— Артемій Асафычъ, неужели не узнали? Маркъ... значить, человѣкомъ состою при Иванѣ Григорьевичѣ.

— Ахъ, ты, кошка тебя залягай... Какъ же, знаю.

Горничная отвернулась и, шелестя крахмальной юбкой, ушла въ столовую. Гушинъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, покачалъ головой и проговорилъ, сѣживая глаза:

— Вотъ такъ игрушка... хе-хе! А ты за ней того, Маркъ... старый конь борозды не портить.

— Весьма даже ухаживаю, Артемій Асафычъ, потому какъ есть моя собственная дочь. Въ самую точку, значить...

— Такъ-съ, случается...

— Вы давайте мнѣ деньги-то, Артемій Асафычъ, а я уже, значить, ей и предоставлю ихъ.

— Погоди... Ишь какъ ускорился! Твоя рѣчь еще впереди, старче, въ нѣкоторое время ты мнѣ еще пригодишься.

Въ пріотворенную дверь кабинета доносились отрывистые голоса: «Дама... бита...» «Уголь... моя». «Продолжать, господа?» «Мечите до конца талію...» Гушинъ, прислушиваясь, шепотомъ замѣтилъ:

— Второй день жарятъ?

Маркъ оглянулся на дверь кабинета и отвѣтилъ тоже шепотомъ:

— Бережецкаго, Игнатія Борисыча, разыгрываютъ.

— Но-о?

— Вѣрно-съ... Только вотъ Николай Сергѣичъ весьма мѣшаютъ нашему барину, а то давно бы крышка. Просты Николай-то Сергѣичъ и прямо въ огонь головой лѣзутъ...

— Охъ, какъ просто?... За мной присылалъ своего кучера, а Ольга Ивановна, значить, жена, удавить меня хочетъ...

Изъ кабинета уже нѣсколько разъ слышался хозяйскій голосъ: «Маркъ! Маркъ!», но старый, зѣрный слуга только встряхивалъ головой и говорилъ: «Ничего, подождутъ... Не на пожаръ бѣжать!» Въ видѣ оправданія, онъ нѣсколько разъ порывался идти и оставался.

— Такъ вотъ что, милъ-сердечный другъ, говорилъ Гуцинъ, вынимая изъ бумажника рублевую бумажку. — Видишь это?

— Очень превосходно, Артемій Асафычъ... Бѣдный я человѣкъ...

— Подожди, твоя рѣчь впереди. Вотъ это рупь...

— Такъ точно-съ...

— А рупь все одно, что и тыща — да. Потому самому, что не рука къ деньгамъ, а деньги къ рукамъ. Понялъ? Другого непривычнаго человѣка можно просто ушибить рублемъ-то... Такъ, вотъ, на, получай, а въ нѣкоторое время пригодишься.

— Ужъ вотъ какъ буду стараться, Артемій Асафычъ, бормоталъ Маркъ, торопливо засовывая бу-
мажку въ карманъ. — Извините, сударь, мнѣ сей-
часъ некогда... Вамъ прикажете Николая Сергѣича
вызвать?

— Ничего, я подожду. Наше дѣло не къ спѣху...

Маркъ разбитой, старческой походкой торопливо
убѣжалъ въ столовую, а Гущинъ принялся разсма-
тривать обстановку, шевеля губами и что-то при-
кидывая въ умѣ. Онъ опять покачалъ головой. Что
же, мебель хоть и крыта шелковой матеріей, а на-
вѣрно взята на прокатъ. И вся остальная тренъ-
брень: какія-то вазы, мраморный идолишка въ углу,
альбомы на каждомъ столикѣ, — ну, къ чему все
это нагорожено, ежели разобрать? Такъ, одна мо-
дель... А стань продавать, такъ и половины цѣны
не выручишь.

«Шалыныя деньги-то, вотъ и мудрятъ, уже вслухъ
думалъ Гущинъ, поправляя свою косынку. — А ужъ
кто картамъ подверженъ, такъ тутъ никакихъ де-
негъ не хватитъ... Вонъ, давеча какъ Ольга-то
Ивановна накинута. «Ты и такой, ты и сякой,
ты и деньги травишь Николаю Сергѣичу...» Ну,
какой это фасонъ? Какой это человѣкъ будетъ
деньги травить? Конечно, случается, что и выру-
чишь Николая Сергѣича, такъ, вѣдь, только един-
ственно по добротѣ души...»

Мысль объ Ольгѣ Ивановнѣ замѣтно удручала
Гущина, и онъ даже фукалъ носомъ, какъ котъ,
на котораго брызнули холодной водой. Охъ, деньги,

деньги... Взять хоть того же человека Марка — за рупь отца родного продасть.

— А мы ему затравку на всякій случай сдѣлали... хе-хе! Какъ онъ за рупь-то уцѣпился... Охъ, грѣхи наши тяжкіе!

Во время этихъ размышленій, человекъ Маркъ нѣсколько разъ проходилъ черезъ гостиную, то съ зельтерской водой, то съ сигарнымъ ящикомъ, то съ бутылкой краснаго вина. Онъ покровительственно улыбался гостю и шепотомъ сообщалъ:

— Сейчасъ Галстунина разыгрываемъ... Только перья летятъ! Иванъ Григорьичъ мечутъ-сь, а Галстунина рѣжется... Прикажете Николая Сергѣича вызвать?

— Нѣтъ, нѣтъ... торопливо отвѣчалъ Гущинъ, отмахиваясь обѣими руками. — Ежели они позабудутъ меня, такъ и лучше того. Ничего, я и здѣсь посижу...

II.

Было уже часовъ пять вечера. Начинало темнѣть. Короткій, зимній день кончался тускло и сѣро, какъ, измучившись, засыпаетъ больной человекъ. Горничная Дуня зажгла стѣнные лампы,правила сбившуюся на столѣ скатерть, переложила альбомы и больше не обращала на гостя никакого вниманія, какъ на стоявшаго въ углу мраморнаго амура. Гущинъ сидѣлъ на стулѣ неподвижно и нѣсколько разъ чуть-чуть не заснулъ. Изъ дремоты

его выводило только приглашающее звяканье тарелокъ въ столовой. Очевидно, Дуня готовляла все къ обѣду.

— А хорошо бы перекусить... думаль старикъ, зѣвая и крестя ротъ. — Господа хорошо кушаютъ, а у Ивана Григорьича собственный поваръ изъ Расаен вывезень... Балычку... икорки... разварную стерлядку...

На этихъ грѣшныхъ мысляхъ онъ точно былъ пойманъ Маркомъ. Старый, господскій слуга подкрался къ нему своей шмыгающей походкой и шепнулъ:

— А вы, того, Артемій Асафычъ... Баринъ, какъ выйдутъ, непременно будутъ приглашать васъ къ столу... у нихъ ужъ такая повадка... А вы несоглашайтесь. Да... Это по господски называется простая вѣжливость...

— Вотъ тебѣ фунтъ!.. А я-то того... гмъ...

— Вамъ же добра желаю... У нихъ своя компанія, а вамъ не рука-съ. Потомъ васъ же осудятъ.

— Покорно благодаримъ на добромъ словѣ... Что же, я могу по тротувару походить, пока они обѣдаютъ. Я дома перекусилъ.

— Вотъ, вотъ... А то на куфнѣ можно перехватить. У насъ на этотъ счетъ даже очень свободно, и никакого стѣсненія въ провизіи...

— Ну, въ кухню-то я, братъ, не пойду... Тоже купецъ третьей гильдіи называюсь... Низко мнѣ это... Я ужъ лучше по тротувару, будто для воздуха...

Изъ этого неловкаго положенія гость былъ выведенъ появившимся въ дверяхъ кабинета хозяиномъ. Это былъ высокій, представительный старикъ барской складки. Окладистая, холеная, сѣдая борода, съ какимъ-то щегольствомъ выдѣлялась на черномъ фонѣ чернаго, бархатнаго пиджака.

— А, это вы, Артемій Асафычъ... заговорилъ онъ красивымъ, груднымъ голосомъ, протягивая холеную, барскую руку, съ солитеромъ на мизинцѣ. — Что же это вы здѣсь сидите?

— Да такъ-съ, Иванъ Григорычъ... потому какъ Николай Сергѣичъ извоили присылать за мной. Ничего-съ, время терпять... Не на свадьбу торопиться.

— Такъ, такъ... улыбаясь одними глазами и хлопая по плечу гостя, говорилъ Войводъ. — Николаю Сергѣичу сегодня везетъ и, кажется, онъ обойдется безъ васъ.

— И отлично-съ... А то я ужъ отъ Ольги Ивановны впередъ всяческую мораль получилъ. Можно сказать, одно звѣрство.

— Отъ женщинъ нужно принимать все, Артемій Асафычъ, какъ принимаемъ погоду: сегодня дождь, а завтра и солнышко можетъ выглянуть.

— Это точно-съ, Иванъ Григорычъ. Слабый соудъ-съ...

— А гдѣ же дамы? обратился Войводъ къ Марку. — Ступай, скажи, что мы кончили. А вы, Артемій Асафычъ, надѣюсь, пообѣдаете съ нами?

— Нѣтъ, ужъ увольте Иванъ Григорычъ. Я, того, дома закусилъ.

— А если я не отпущу? Палка на палку не хорошо, а обѣдъ на обѣдъ ничего...

— Знаете, Иванъ Григорьичъ, необычно мнѣ съ господами...

— Пустяки! И слышать ничего не хочу... Знаете поговорку: въ гостяхъ воля хозяйская. Да, вонъ, и жена идетъ. Вѣрочка, пожалуйста, не отпускай этого благочестиваго старца. Онъ останется у насъ обѣдать. Рекомендую: Артемій Асафычъ Гуцинъ, купецъ третьей гильдіи.

— Купеческій братъ-съ, Иванъ Григорьичъ, поправилъ Гуцинъ, застегивая свой длиннополый сюртукъ.

Вѣра Николаевна, высокая, молодая и красивая женщина, съ большими, сѣрыми глазами, равнодушно протянула гостю свою маленькую ручку и еще болѣе равнодушно проговорила:

— Очень рада, очень...

За ней шла полная и румяная дѣвушка, съ вздернутымъ носикомъ и смѣшными, черными глазами. Она фамиллярно поздоровалась съ Гуцинымъ и бойко заговорила:

— А, богатенькій, добренькій старичекъ, здравствуйте!.. Вѣра Васильевна, онъ замѣчательный человекъ въ трехъ отношеніяхъ: во-первыхъ, дядя жены Матова, во-вторыхъ — даетъ деньги подь большіе проценты и, въ третьихъ, когда у него будетъ миллионъ, женится на мнѣ.

— Шутить изволите, сударыня... отвѣтилъ Гуцинъ, осклабясь. — Конечно, я добрый человекъ,

Вѣра Васильевна, и образованные люди меня не обѣгаютъ, а что касается Ольги Ивановны, такъ она, дѣйствительно, родной племянницей мнѣ приходится... да-съ.

— Очень рада, проговорила Вѣра Васильевна, точно стараясь что-то припомнить. — Да, вотъ что... Я все собираюсь приѣхать къ Ольгѣ Ивановнѣ съ визитомъ, но все какъ-то не удается.

— Не стоитъ и ѣздить, сударыня, неожиданно стрѣзалъ гость. — Конечно, она моя племянница, а женщина безъ всякой полировки, вполне сѣрая, можно сказать...

— Вотъ я уже скажу ей! перебила его дѣвушка. — Какъ вы смѣете такъ говорить объ Ольгѣ Ивановнѣ? Она, вотъ, задала вамъ...

Изъ кабинета гурьбой показались всѣ игроки. Впереди шелъ, весь подтянутый и точно покрытый лакомъ, товарищъ прокурора Бережецкій, съ такъ ужъ усталымъ лицомъ и слегка презрительной улыбкой на тонкихъ губахъ. Завидѣвъ дамъ, онъ, по привычкѣ, принялъ еще болѣе вытянутый видъ, а лицу придалъ скучающее выраженіе. За нимъ семенилъ на короткихъ ножкахъ толстенный, улыбающійся докторъ Окуневъ, отецъ краснощекой дѣвушки. У него всегда галстухъ сидѣлъ криво. Въ разговорѣ докторъ любилъ постоянно перебивать своего собесѣдника. Вообще, онъ вѣчно торопился, что-нибудь забывалъ и удивлялся самымъ обыкновеннымъ вещамъ. Матовъ и Галстунинъ шли подъ руку, продолжая какой-то карточный споръ. Ма-

тову было за тридцать, но онъ казался старше своихъ лѣтъ, благодаря неосторожному обращенію съ жидкостями. Типичное русское лицо, съ мягкимъ носомъ и умными, карими глазами, было точно подернуто жирнымъ налетомъ. Это лицо портило только широкій чувственный ротъ. Одѣтъ онъ былъ съ барской небрежностью и имѣлъ привычку отбрасывать рукой лѣзшія на лобъ русыя шелковистыя кудри. Галстунинъ былъ бѣлобрысый купчикъ изъ полированныхъ. Онъ весь былъ какой-то сѣрый и одѣвался во все сѣрое. Шествіе замыкалъ Поль Щепетильниковъ, высокій и тонкій молодой человекъ, копировавшій то Матова, то Бережецкаго, то Войвода. Въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго онъ старался держать себя развязнѣе, чѣмъ это слѣдовало, и больше всего на свѣтѣ любилъ анекдоты.

— Боже мой, наконецъ-то кончили! проговорила м-лле Окунева, дѣлая совершенно ненужный жестъ руками. — Кто выдумалъ карты, тому не будетъ прощенія... Гдѣ играютъ въ карты, дамы остаются сидѣть и скучаютъ.

Щепетильниковъ напрасно старался вспомнить какой-то очень остроумный анекдотъ относительно картъ и сказалъ совсѣмъ другое.

— Люди узнаются, Анна Евграфовна, только въ дорогѣ и въ игрѣ...

— А такъ какъ вы играете всегда очень серьезно, то?... бойко отвѣтила м-лле Окунева. — Это опасная мѣрка.